теризована, очень напоминает — в этом будет возможность убедиться далее — Перекрасу, любовницу Стозмея.

Итак, бедный журналист, для которого, по словам «Смеси», начал сочинять письма Стозмей, — это, вполне вероятно. Чулков, а Стозмей, следовательно, не кто иной как Д. П. Если этот вывод верен, то справедлив он в отношении Стозмея, о котором идет речь в письме К. Б.; однако для того, чтобы распространить это отождествление на другие упоминания Стозмея в «Трутне» и в «Смеси», необходимы дополнительные аргументы. Дело в том, что в сатирической журналистике 1769 г. неоднократны случаи, когда под одним смысловым именем печатались в разных журналах или даже в разных номерах одного журнала портретные очерки-характеристики, не имевшие между собою убедительной внутренней связи, которая дала бы основание видеть в них изображение разных сторон одного лица; имя выступало как обозначение определенного типа, характеристика описывала вид.[32] Иногда одно и то же имя в контексте различных намеков подразумевало разных лиц, как, например, Злорад—Чулков в эпиграмме «Смеси» от 30 июня [33] и Злорад—Лукин в цитированном ранее фрагменте из 13-го листа «Трутня».[34] Поэтому относящимися к одному и тому же лицу можно признать с достаточной степенью уверенности лишь те характеристики, через которые проходят какие-нибудь общие детали, индивидуализирующие образ. Так, характеристика Злорада в последнем листе «Трутня» за 1769 г. (№ 36. С. 176) начинается с упоминания о том, что этот читатель журнала всегда ругает издателя за то, что тот «будто <. . .> однажды списал его портрет и напечатал». Но со Злорадом — Чулковым или Лукиным она не соотносима, ибо те изображены как писатели, а здесь говорится о человеке, который «груб, жесток, горд пред своими

---

[32] Таковы три характеристики Надмена: Смесь. [20 окт.]. Л. 30. С. 237—238; Тр. 1769. 3 ноября. № 28. С. 147—148; Смесь. [29 дек.]. Л. 40. С. 318. Не имеют внутренней связи два портрета под именем Весьсед в «Смеси» (Л. 26. С. 201—203; Л. 40. С. 313), они даже заимствованы из разных французских источников. Также из разных источников взяты две характеристики под именем Пышен (Смесь. Л. 29. С. 230; Л. 33. С. 260—261). История Себелюба в 16-м листе «Трутня» была замаскированным рассказом об отставке Г. Г. Орлова (Берк. 1951. С. 536, примеч. 118); но никакого намека на бывшего фаворита не нес Себялюб, описанный в «Смеси» (Л. 33. С. 257—258).

[33] «Злорад творцов живых поносит, / А мертвых до небес возносит: / Но, чтоб ту честь иметь, / Никто не хочет умереть» (Смесь. Л. 14. С. 111). Неделей раньше (23 июня) вышел 24-й лист «И то и сьо» с критическими замечаниями «портного». Злорад фигурирует в «Смеси» еще дважды. Один из этих портретов, о котором уже говорилось, может быть с известной степенью уверенности отнесен также к Чулкову, поскольку в этом случае о Злораде идет речь в сочетании со Стозмеем (Смесь. Л. 33. С. 261—262). Правда, здесь упоминается, что Злорад «ныне женился на своей любовнице <. . .> низкого состояния», а брак Чулкова с А. Г. Баталиной состоялся в 1765 г. Другой портрет (Смесь. Л. 30. С. 237—238) не содержит деталей, в которых можно было бы видеть какой-нибудь реальный намек; но он находится в соседстве с портретом Перекрасы, любовницы Стозмея, а потому нельзя исключать вероятность, что и в этом случае имелся в виду Чулков.

[34] Расшифровку намека см.: Берк. 1951. С. 530—531, примеч. 85.